

ОБЛАКА

31.07.2012

В эфире программа «Облака»...

Это передача о заключенных, для заключенных и для всех тех, кому не безразлична их судьба.

Здравствуйтесь. У микрофона Ирина Новожилова.

Конвенция ООН против пыток – одна из важнейших конвенций, которую должна придерживаться Россия как правопреемник Советского Союза. Эта Конвенция определяет обязательство страны не допускать пытки и другие силовые методы воздействия на граждан, как со стороны государственных служащих, так и иных лиц, действующих от имени государства. Каждая страна-участник Конвенции обязана бороться с практикой применения пыток и искоренять причины этого явления. Раз в четыре года правительством должен представляться отчет о проделанной в этом направлении работе в Комитет ООН против пыток.

Одним из главных требований Конвенции является криминализация пытки, то есть введение в национальное законодательство уголовного наказания за это деяние - так, как оно понимается Конвенцией. А по Конвенции, пытка - это «любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное» с целью получения от этого или другого лица сведений или признания, или для наказания, запугивания или принуждения, и когда «такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве». В 2003 году в наш Уголовный кодекс определение пытки было внесено в качестве примечания к статье 117 «Истязание». В 2010 году по статье 117 части 2, т.е. за «истязания при отягчающих обстоятельствах», куда входят и пытки, было осуждено 705 человек, в прошлом году – 605.

Непонятно, правда, насколько эти цифры отражают реальную ситуацию, поскольку еще в июне этого года советник министра внутренних дел доктор юридических наук Владимир Овчинский заявил, что статистика МВД в последние 12 лет не соответствовала действительности. В 2000 году количество заявлений и обращений о преступлениях составило более 13 млн., а в 2011-м году — 24,5 млн. Но количество зарегистрированных преступлений при этом, согласно статистике, постоянно снижалось: в 2000 году их было 3,3 млн, а в прошлом — менее 2 млн. Получается, что в этой «вилке вранья», - делает неутешительный вывод Владимир Овчинский, - «зависли» 22 миллиона сообщений о преступлениях. А ведь среди этих миллионов наверняка затерялись и сообщения пытках и истязаниях.

* * *

Одним из важнейших положений Конвенции является обязательство страны *эффективно* расследовать сообщений о пытках. О том, что под этим подразумевается, рассказывает эксперт неправительственной организации «Международная тюремная реформа» **Сергей Шимоволос**:

Статья 12 Конвенции определяет, что расследование должно быть эффективным. Это значит эффективное? Это значит, что этот орган должен быть независимый. То есть, по крайней мере, независим от тех самых следователей, которые принуждают к даче показаний, никак с ними не связан по должностным функциям. Это орган должен обладать своими ресурсами, людьми средствами, средствами оперативными. То есть, чтобы эффективно добывать доказательства. Созданием следственного комитета, чем будет отчитываться Российская Федерация как позитив, это формально, можно говорить, приблизилось к таким требованиям. Но тем не мене мы понимаем, что правоохранные органы выступают в связке, даже в корпоративных интересах. В идеале, Комитет против пыток рассматривает, что такой орган должен быть абсолютно независим, то есть, отдельным, отдельной структурой.

Приняв Конвенцию против пыток, международное сообщество согласилось с тем, что «никакие исключительные обстоятельства, какими бы они ни были, будь то состояние войны или угроза войны, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение, не могут служить оправданием пыток». Тем более, не может служить оправданием пыток «приказ вышестоящего начальника или государственной власти».

Проблема в том, что никакая страна не хочет признавать наличие у себя пыток, поэтому в своих отчетах правительства стараются давать больше позитивной информации и преувеличивать значение шагов, предпринятых ими в законодательной сфере и в практике. С учетом этого, для получения более объективной картины, Комитет ООН против пыток запрашивает дополнительную информацию из других источников. Таковыми служат общественные правозащитные организации, которые могут подготовить в противовес официальному свой, так называемый «альтернативный» доклад. У российских правозащитников тоже есть такая практика. Направлена она не на то, чтобы очернить свое государство, а на то, чтобы помочь ему искоренить в стране такое постыдное явление как пытки. Продолжает **Сергей Шимоволос**:

Когда государство отчитывается, естественно, в практике оно пишет только о хорошем. В отчете Россия представляет максимально позитивную информацию. Ту информацию, которую можно считать негативной или невыполнением этих обязательств, оно просто опускает. Например, каждый раз Комитет истребует статистику «а сколько же у вас привлечено должностных лиц четко за преступление пытки?». Государство никогда не дает этой информации. Не потому, что не хочет, а просто даже иногда не может, потому что просто не учитывает. А раз не учитывает, значит и никакой политики в борьбе против пыток и не существует. А это значит, что государство, уже можно говорить, неэффективно здесь действует – если оно не знает проблемы, как оно может о чем-то отчитываться.

Проблема достоверности информации, предоставляемой общественными организациями в своем альтернативном докладе, существует. Но методика подготовки таких докладов уже достаточно хорошо отработана, и опирается она на презумпцию вины государства. Рассказывает **Сергей Шимоволос**:

Тема пыток – тут, конечно, такая особенность..Это особая проблема, потому что здесь существует разница позиций – государства, условно, международных органов, и правозащитных организаций. Дело, в принципе, в одном. В признании презумпции. Презумпция, как говорит государство, это то, когда ты доказал факт применения пыток. Вот ты доказал, что к тебе применяли пытки Иванов, Петров, Сидоров, что они били тебя по почкам, что они принуждали тебя к явке с повинной – тогда это пытка. А по практике Европейского суда и по оценкам Комитета, и по нашей практике, правозащитных организаций, мы полагаем, что, если у нас есть факт того, что человек, находясь в местах лишения свободы, получил телесные повреждения, то это государство должно доказать, что оно здесь непричастно. Что его сотрудник здесь непричастны, что это кто-то другой

это совершил. Пока она это не докажет, мы можем утверждать, что здесь вина государства, безусловно, существует.

Поэтому когда правозащитные организации представляют информацию, они опираются на заявление потерпевшего, на неопровержимые доказательства того, что нанесен вред, и на доказанный факт, что он в это время находился в условиях несвободы. Этих оснований достаточно для того, чтобы представить такой случай как пытку. То, что это не так, должны доказывать соответствующие органы власти. И, когда пишется альтернативный доклад, обязательно даются ссылки на источники информации – либо на базу данных организации, либо на ее сводный доклад или отчет о посещении конкретного закрытого учреждения. Если есть сомнения в источнике или в том, что этот факт имел место, эта информация не используется. Таким образом, альтернативный доклад приобретает достаточную степень достоверности, и на его основе Комитет ООН против пыток строит рассмотрение официального доклада, представляемого правительством страны.

* * *

Россия направила свой 5-й периодический доклад в Комитет ООН против пыток в декабре 2010 года. По результатам его рассмотрения, у членов Комитета возник ряд вопросов, ответы на которые Российская Федерация должна будет представить в ноябре этого года. По этим же вопросам готовит свое представление и правозащитное сообщество. О том, что вызвало у экспертов Организации Объединенных Наций наибольшую обеспокоенность, рассказывает директор отделения организации «Международная тюремная реформа» по Восточной Европе **Виктория Сергеева**:

На самом деле вопросы касаются практически всех статей Конвенции, потому что в официальном докладе России, по мнению многих ученых и правозащитников, содержится очень формальная информация о том, что происходит в действительности. Не приводится ни одного примера пыток, хотя, Россия в своем докладе указывает, что такое-то количество жалоб было получено ФСИН, но не приводится ни одного примера, в чем эти жалобы состояли. И Комитет задает вопросы, которые касаются как законодательства, так и практических примеров и случаев. 5 Процедура рассмотрения доклада заканчивается выработкой рекомендаций, основанных на официальном ответе России, на реакции правозащитного сообщества... рекомендации - это может быть большой список, который включает как общие рекомендации, так и конкретные рекомендации, например, разобраться по какому-нибудь вопиющему случаю...

По наблюдению правозащитников, российское правительство, к сожалению, начинает беспокоиться о выполнении рекомендаций Комитета ООН против пыток только в период подготовки очередного доклада. На самом деле государство стоит перед нелюбимым выбором - признавать или не признавать наличие пыток в стране, и, соответственно, принимать или не принимать демонстративные меры борьбы с ними. Только в этом году правозащитникам удалось, наконец, заставить власти подумать над созданием отдельных следственных структур по расследованию преступлений полицейских. У микрофона **Сергей Шимоволос**:

Мы тоже понимаем, какие интересы государство пытается выразить и понимаем, что часто это политизировано, но... Мы находим доводы. Ну, например, что если существует практика пыток, государство неспособно восстановить доверие к правоохранительным институтам. Мы убеждаем даже тех же профессионалов, что борьба с пытками это не только идеологическая задача, это чисто функциональная задача, которая мешает разрешению других вопросов. В частности, доверия, профессионализма. Потому что пытки

как средство это используют прежде всего непрофессиональные сотрудники. Профессиональный сотрудник может найти доказательства, непрофессиональный бьет задержанных.

* * *

В докладе одной из российских правозащитных организаций утверждается, что «механизмы проведения проверок и расследований жалоб о пытках осужденных в исправительных учреждениях России неэффективны. Нам не известны случаи, - пишут правозащитники, - когда следственные органы и органы прокуратуры самостоятельно инициировали проверки и расследования при наличии данных, указывающих на пытки. Причины неэффективности проверок по жалобам несколько. В первую очередь это - корпоративность и репутационные риски. Как правило, руководители силовых структур постоянно встречаются на совместных совещаниях с руководством региона, хорошо знают друг друга, имеют личные контакты, зачастую являются добрыми товарищами. Ротации в проверяющих и надзирающих органах практически нет, сотрудники, отвечающие за систему исполнения наказаний, не меняются годами. Защита прав заключенных подменяется защитой мундира. Выявлять нарушение закона контролирующим органам невыгодно, т.к. это влияет на рейтинговые показатели региона.»

Рейтинговые показатели, о которых говорят правозащитники, основаны на пресловутой палочной системе и лишают руководителей всех уровней необходимой для эффективного управления гибкости. Если все усилия направлены на то, чтобы утаить ошибки и приукрасить действительность, то мы движемся назад в 19-й век, а не к правовому государству. Гладкие отчеты не помогают ни анализу, ни поиску оптимальных решений, а способствуют самоуспокоению.

Признавать неблагополучную текущую ситуацию тяжело, но уже само признание будет толчком к принятию адекватных шагов для ее исправления.

Вы слушали программу Облака. Всем привет.